

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Кузмин
Анатоль Франс

Кузмин М. А.

Анатоль Франс / М. А. Кузмин — «Public Domain», — (Заметки о литературе)

ISBN 978-5-457-32795-5

Критическая проза М. Кузмина еще нуждается во внимательном рассмотрении и комментировании, включающем соотнесенность с контекстом всего творчества Кузмина и контекстом литературной жизни 1910 – 1920-х гг. В статьях еще более отчетливо, чем в поэзии, отразилось решительное намерение Кузмина стоять в стороне от литературных споров, не отдавая никакой дани групповым пристрастиям. Выдаваемый им за своего рода направление «эмоционализм» сам по себе является вызовом как по отношению к «большому стилю» символистов, так и к «формальному подходу». При общей цельности эстетических взглядов Кузмина можно заметить, что они меняются и развиваются по мере того, как те или иные явления становятся историей. Так, определенную эволюцию претерпевают взгляды Кузмина на искусство символическое, которое он в 20-е гг. осмысляет более широко и более позитивно, чем в статьях 10-х гг. Несомненно, что война 1914 г. усилила в нем его «франкофильство» и отрицание немецкой культуры как культуры «большого стиля». Более многогранно и гибко он оценивает в 20-е гг. Анатоля Франса как типичного представителя латинской культуры. Мы предлагаем вниманию читателя несколько статей разных периодов, отчасти собранных в сборнике «Условности». Остальные статьи – из различных альманахов, журналов и сборников

ISBN 978-5-457-32795-5

© Кузмин М. А.
© Public Domain

Михаил Кузмин Анатоль Франс

Выражаясь пышно, можно было сказать про смерть Анатоля Франса: «Умер последний француз». Это было бы верно, если бы понятие о французе не изменялось, как все вообще понятия, иногда даже выходя из своей периферии.

Франс – классический и высокий образ французского гения, хотя в нем гармонически соединяются свойства, взаимно уничтожающие как бы друг друга. Может быть, существует закон, что качество, доведенное до предела, переходит в противоположное.

Будучи связан глубочайшими и цепкими корнями с французской национальностью, Франс утончил и расширил этот национальный элемент до всемирной интернациональности.

Будучи мыслителем антирелигиозным, во всяком случае, противоцерковным, Франс только и делает, что почерпает вдохновение и мысли из церковной старины и церковных догматов.

Насмехаясь над различными методами историографии, он прибегает к ним же в своих произведениях, носящих исторический характер.

Принципиальный нарушитель традиций, Франс свято и нерушимо соблюдает их.

Враг, в качестве скептика, всяческого фанатизма и энтузиазма, он в самую вражду вносит известную горячность. Хотя, конечно, горячность – наименее подходящее определение для творчества Франса. Теплота, гуманность, либерализм, ирония, сострадание – вот качества, которые вспоминаются, когда произносят имя Франса. Слова не холодные, не горячие – теплые, поддерживающие по-человечески жизнь, но не толкающие на действие. Немыслимые при катастрофах. Во времена Апокалипсиса в действующий его момент Франса «извергли бы из уст», как ангела Лаодикийской церкви, который именно был ни горяч, ни холоден. Апокалипсису такие люди не годятся, так же как всяческие Апокалипсисы подобным людям не могут быть по душе. Это не та атмосфера, где бы они чувствовали себя, как рыба в воде. Так называемые эпохи упадка, предшествующие взрывам, – подходящее время для скептицизма; выветрившиеся балки поддержат ветхое здание, ветер, наверное, уже веет, но недостаточно силен, можно говорить и «да», и «нет» или ни «да», ни «нет» и объективно не приходится ни к какому выводу. Не только война требует воинственных людей, а всякое определенное и сильное действие. Франс был человеком глубоко штатским и словесником. Православие отвергает догмат о чистилище (ни да, ни нет), но на иконах страшного суда иногда изображают души в виде нагого человека, дрожащего в воздухе, грехи не допускают его в рай, а добрые дела спасают от ада. В таком виде представляется мне и Франс. Только он не дрожит, а устроил всячий сад Эпикура и рассуждает умно и либерально о всяческих вещах, пока трубный рев последнего суда не заглушит человеческих слов и не потребует звериного или божественного вопля. Вопля, конечно, Франс не пустит. Не захочет, да и не сможет. Но покуда достаточны интеллектуально человеческие качества – блеск, человечность и ширина мысли, понимание, мягкость, отзывчивость, прелесть и блеск величайшего человеческого таланта, гармония и равновесие, – Франс не имеет себе равных. Искать определенного ответа у него – предприятие, заранее обреченное на неудачу. Приходит на ум анекдот о мудреце, у которого ученик спрашивал совета: жениться ему или не жениться. «Поступай как хочешь, все равно будешь раскаиваться». Франс на все ответил бы: «Поступай как угодно: все равно ошибешься». Ошибки и затруднения он всегда видел зорко и тонко, но затруднился бы указать, где их нет. Он ничего не взял бы на свою ответственность. Он охотно поможет разрушать, но остережется положить кирпич в новую стройку. Если же и положит,

то всегда будет сомневаться – не строит ли он вновь только что разрушенное здание. Зданий же, которые бы не подлежали разрушению, по его мнению, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.